

Литература:

1. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб., 2002.
2. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. – М., 2002. – С. 118.
3. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. – СПб., 2001.
4. Перлз Ф. Практика гештальт-терапии. – М., 2001.
5. Пронина Е.Е. Предмет и задачи курса «Психология журналистского творчества» // Материалы к изучению курса «Психология журналистского творчества». – М., 2000.
6. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. – М., 2002.
7. Пронина Е.Е. Психологические особенности творческой работы репортера. – М., 2001.

Поступила 21.09.2004 г.

КВИР-ЛИНГВИСТИКА: НУЖНА ЛИ ОНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ?

Е.И. Горошко

Статья посвящена квир-лингвистике как новому магистральному направлению развития современной парадигмы гендерных исследований. Подробно разбирается концептуальный аппарат этого направления. Описывается попытка изучения фрагментов языкового сознания носителей русского языка с учетом квир-фактора.

Ключевые слова: квиллингвистика, гендер, сексуальная идентичность, перформативность, языковое сознание

Стаття присвячена квір-лінгвістиці як новому магістральному напрямку в розвитку сучасної парадигми гендерних досліджень. Докладно розбирається концептуальний апарат цього напрямку. Описується спроба вивчення фрагментів мовної свідомості носіїв російської мови з урахуванням квір-фактору.

Ключові слова: квір-лінгвістика, гендер, сексуальна ідентичність, перформативність, мовна свідомість

The article is targeted at a new discipline in the area of gender and language research – queer linguistics. The conceptual linguistic apparatus and terminology are discussed. The study of verbal responses obtained from Russian –speaking informants (gays and lesbians) as a linguistic construal of their world is analyzed.

Key words: queer linguistics, sexual identity, performativity, language consciousness

Анализ литературных данных по исследованию гендерного фактора в языке и коммуникации на материале отечественных исследований, т.е. работ, выполняющихся на постсоветском лингвистическом пространстве, показал, что тема о взаимосвязи языка и сексуальности человека практически не затрагивается нашими лингвистами и из рассмотрения гендерного параметра аспект сексуальности как бы выведен за рамки вовсе.

Складывается впечатление, что эта тема до сих пор всё ещё табуирована, или не представляет особого исследовательского интереса для отечественного языкознания (1). Однако для всестороннего изучения «гендерного» параметра и его взаимосвязи с языком и речью, крайне интересными должны быть работы по исследованию нетипичных гендерных и сексуальных идентификаций личности и, естественно, отражение этого в языковых структурах, как это происходит сейчас, например, в западной лингвистике [14; 15; 19; 20; 21; 25; 26; 27].

В феминистской теории имеются различные концепции, связанные с определением и описанием маргинальной идентичности (например, теория *квир-идентичности*) (см. [2, с.63-66], [21]). Обычно эти концепции ассоциируются с именами Терезы де Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэдживк. В советской психологии и социологии своеобразное табу с этой темы снял И.С. Кон, посвятив целую монографию проблемам однополю любви [6].

Заметим, что существуют как различные проявления нетипичной сексуальной идентичности (явления гомо-, би- и транссексуализма, объединяемого модным английским заимствованием «квир (3)»), так и различные способы её описания – теоретические исследовательские парадигмы (например, теория «множественных» гендеров (*multiple genders' theory*) [21, р.348], трансгендерная теория (*transgender theory*) [7]. Однако до сих пор не совсем ясно положение квил-исследований в

рамках гендерных студий, где, по мнению некоторых авторов, наблюдается «навязывание» трактовки нормативной гетеросексуальности – гетеронормативности [15, p.7] в парадигму изучения гендера. Более того, например, белорусский исследователь А. Першай указывает, что «...На сегодняшний день не существует какого-то одного определенного взгляда на *транссексуальность*, *трансгендерность*, *меж(ду)половость*, *трансвестизм*, *genderqueer* (курсив мой. – Е.Г.) и др. На постсоветском пространстве данная тема не разработана ни социально, ни академически, равно как и практики эти невидимы в дискурсе, а сама потребность в осмыслении вопросов трансгендерности в нашей культуре маргинальна» [7, с.1]. И одна из самых сложных проблем – как писать о трансгендерности и сексуальности вообще, когда в научном дискурсе отсутствует соответствующая терминология и категориальный аппарат не в состоянии описать трансгендерность. А существующий терминологический аппарат уже *априори* дискриминирует всё, что не соответствует стандартной дихотомии «мужественность/женственность» [7, с.1].

В западной лингвистике исследование речевого поведения представителей сексуальных меньшинств началось примерно с 40-х годов прошлого века [25, p.243]. Наиболее подробный критический обзор работ в этом направлении за последние двадцать – тридцать лет был проведен Д. Камерон и Д. Куликом [15; 25; 26]. Анализируя работы по изучению языка геев и лесбиянок, ученые отмечают, что наиболее исследованными областями стали особенности организации словаря, а также фонетические и просодические черты устной речи сексуальных меньшинств. Например, речь геев в английском языке характеризуется частым использованием арго, намеков, категоризаций, большим количеством уклончивых ответов относительно вопросов, связанных с идентичностью человека (опущение или изменение частей речи с маркированной категорией рода (притяжательных местоимений) [25, p.259]. В активном словаре геев (4) наблюдается и частое использование слов – уничижительных наименований лиц гомосексуальной ориентации – в целях переосмысления и изменения их коннотативной окраски (в основном с отрицательной на положительную) [25, p.259]. Замечено и частое использование геями родовых форм женского рода при обращении к другим мужчинам [25, p.247].

В интереснейшей работе Д. Кулика «Гендер бразильских трансгендерных проституток», посвященной описанию гендерных трансформаций и поведенческих характеристик в сфере сексуального поведения мужчин-травести, Д. Кулик указывает на такие любопытные речевые особенности мужчин-травести: травести часто обращаются к «биологическим» мужчинам, используя местоимения и прилагательные в женском роде. Например, такое распространенное выражение, как “*ela ficou doida*” (5), может употребляться как обращение и к травести, и к женщине, и к гомо- и гетеросексуальным мужчинам одновременно, в ситуации, когда мужчине разрешается с ними иметь анальный секс [24, p.233-234]. Все эти различные группы людей в данном контексте были отнесены травести к одной референтной категории. Д. Кулик отмечает, что система речевых средств, используемых травести для описания различных проявлений сексуальности, достаточно утончена, сложна и чувствительна к контексту. Д. Кулик обращает внимание также и на один любопытный факт: при рассказе о своей жизни мужчины-травести, описывая свое детство и отрочество, говорят о себе в мужском роде, а когда касаются своей теперешней, настоящей жизни, то переходят на женские родовые формы. Также Д. Кулик отметил, что переключение с мужских на женские родовые формы и наоборот зависит и от той социальной роли, которую в данный момент «исполняет» мужчина-травести. Если, например, он торгуется с клиентом об оплате своих сексуальных услуг, то начинает о себе говорить в мужском роде.

Интересные нюансы наблюдаются в речи мужчин-травести и при обращении к мужчинам: здесь также происходит переключение с мужского рода на женский и наоборот в зависимости от контекста и тех ролей, которые разыгрываются в данный момент. Причем это касается только мужского гендера. Женский же гендер, по мнению Д. Кулика, является фиксированным, стабильным параметром. Женщины-травести (и среди них даже самые грубые, мужеподобные лесбиянки) никогда о себе в мужском роде не говорят [23].

Нам кажется, что именно исследования Д. Кулика, как никакие другие, показывают всю сложность взаимоотношений в триаде: *гендер – сексуальность – язык*, открывая абсолютно новые перспективы как для изучения и понимания гендера, так и для связи гендера с сексуальностью человека и отражения этой связи в языке.

Однако одно из системных описаний квир-подхода в лингвистике и построение её теоретико-философского основания было сделано совсем недавно, в 2003 г., Д. Камерон и Д. Куликом в работе «Язык и сексуальность» [15, p.71-105].

Эта работа посвящена полностью квир-лингвистике с детальнейшим описанием результатов и периодизацией этапов становления исследовательской парадигмы этого направления. Особое внимание авторы уделяют проблеме реконструкции нетипичной идентичности и теоретическому

осмыслению работ в этой области. Они предлагают ввести понятия «сексуальность» и «желание» в качестве «понятийных» категорий, необходимых для построения языковой идентичности. По их мнению, обзор работ по этой проблематике четко показал возможность изучения взаимоотношений между языком и сексуальностью вне понятия «идентичность», без подмены понятия «сексуальность» понятием «гендер» и без упущения того факта, что сексуальность – это больше, чем то, что люди сознательно говорят или сознательно избегают говорить о своей сексуальной ориентации. Лингвистические исследования того, какими способами «репрессия» и «умалчивание» воссоздаются в языке и какую определяющую роль это «умалчивание» играет в нашем общении, каким образом особые языковые конвенции используются для создания и передачи нашего «желания», могут стать новым многообещающим междисциплинарным направлением как в лингвистике, так и в антропологии или же психологии [15, p.71-105].

Более того, в одном из своих последних выступлений на симпозиуме по социолингвистике Д. Кулик подчеркивает, что формулировка вопроса в рамках только того, каким образом язык отражает и выражает сексуальную идентичность, не позволяет ученым затрагивать более широкие семиотические процессы, через которые сексуальность и желание производятся и воспроизводятся в языке [26, p.496]. Д. Кулик полагает, что понятие «идентичность» не следует брать за отправную точку и оно отнюдь не является ответом на все вопросы, которые мы можем задать о языке и сексуальности. Сосредоточиваясь только на изучении идентичности, мы можем выпустить из поля внимания такие важные параметры самой сексуальности, которые, собственно, её конструируют, а именно: *фантазия, желание, подавление* и *бессознательное*. А фокусирование внимания именно на этих параметрах, по признанию самого Д. Кулика, сближает его научную позицию, во-первых, со взглядами социального психолога Майкла Биллига, изучающего, как процесс познания того, что мы можем сказать, зависит одновременно от познания того, что мы не можем в данный момент выразить, во-вторых, с работами лингвистов-антропологов Элеоноры Охс и Луизы Каппс, изучающих, каким образом отдельные желания и страхи акцентируются в зависимости от социального воздействия и контекста [26, p.497].

Д. Кулик и Д. Камерон предлагают использовать перформативный подход для изучения взаимосвязи языка и сексуальности вместо традиционного социолингвистического подхода [15, p.71-105].

Крайне интересна в этом плане и работа Кэтлин Файх, описывающая теоретическую и методологическую базу этих исследований с помощью понятий *квир*-теории [12]. Подобно Д. Камерону и Д. Кулику, исследовательницу также интересует вопрос, каким образом гендер и сексуальность человека могут быть «проиндексированы» в языке. К. Файх для описания языка *квир*-культуры использует понятия «дейксис», «индекс» и «перформативность». К. Файх считает, «...что индексы могут указывать на какую-то черту в речи, например на участников речевого акта, а могут также указывать на гендерную и сексуальную идентичность говорящих, причем индексирование гендера может быть выполнено достаточно широким диапазоном лингвистических средств. Сам дейксис (например, личные местоимения мужского или женского рода) может служить индексом гендерной идентичности говорящих» [12, с.307]. При этом, как полагают западные исследователи, индексом гомосексуальной идентичности может являться и наличие в речи говорящего особенностей, присущих лицам противоположного гендера. Считается, что индексы не могут быть истинными или ложными, поэтому и понятие «индексирование идентичности говорящего» соответствует понятию «перформативность идентичности», где под *перформативностью*, прежде всего, понимается понятие, эквивалентное действию, поступку. Многие (и в т. ч. лесбийские исследовательницы Анна Ливия и Кира Холл) считают, что гендер является перформативом потому, что утверждение гендера не только заставляет описывать, но и предписывать, требуя, чтобы референт вёл себя соответственно гендерным нормам и, кроме этого, создавал и воспроизводил свой гендер в речевых актах [28]. При этом культура *инсценирует* гендерные нормы. Далее К. Файх указывает, что для понятия «перформативность» важна не истинность или ложность собственно самой сексуальной идентичности, а образцы социального коммуникативного поведения других типов, возможных и предписываемых людям на основании их идентификации как представителей данной сексуальной ориентации. «Перформативность указывает на разницу между культурными группами в способах выражения и создания сексуальной идентичности. Потому перформативность и индексирование формируют очень важную теоретическую базу для понимания особенностей речи сексуальных меньшинств» [12, с.309]. В основание же теоретической и методологической базы этих исследований в лингвистике К. Файх предлагает положить три теории:

- *теорию перформативности* гендерной и сексуальной идентичности и их индексирование в речи индивида [28; 29];

- лингвистику контакта как метод изучения языковой группы, членам которой неудобно в негативных социальных условиях быть идентифицированными в качестве представителей гомосексуальных меньшинств [30; 17];
- помимо лингвистики контакта, нам кажется, в данном контексте необходимо добавить и понятие «речевого сообщества» (*speech community*) в понимании Делла Хаймса [22] и Питера Кодера [16], когда особенности словоупотребления предлагается изучать внутри отдельной социальной группы, а не конструировать эту группу на основе определенных лингвистических критериев и показателей;
- переводную модель дискурса О. Йокоямы в качестве метода анализа данных и оформления правил их экспликации [31; 32].

Однако что касается отечественной лингвистики, то до настоящего момента вопрос о введении этих исследований в понятийную парадигму лингвистической гендерологии остается открытым. Нам кажется, что для полноты описания категории гендера и её отражения в языке и речи эта группа исследований была бы крайне интересна и полезна как для онтологического осмысления категории «гендера», так и для изучения «преломления» гендерного концепта в языковом и когнитивном сознании. Более того, эти исследования способствовали и выяснению «роли экстралингвистической реальности в процессах языкового конструирования гендера и его динамики» [5, p.241].

Мы предполагаем также, что язык, будучи основным средством конструирования идентичности, не может не испытывать влияния «сексуального» фактора. А это не может не сказаться и на своеобразии отношений между параметрами «гендер», «идентичность» и «сексуальность».

Описываемый ниже эксперимент проводился в рамках большой серии лонгитюдных экспериментов, посвященных установлению и описанию гендерных особенностей языкового сознания человека [1]. Эта серия экспериментов проходила в рамках «реализации» психолингвистического подхода к анализу проблем содержания и функционирования образов сознания в гомогенной интракультурной среде.

При этом собственно языковое сознание рассматривалось или как совокупность структур знания, связанных с языковыми знаками [9], или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностями этих полей [4]. Полагают, что овнешненные таким способом образы сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности [10].

Заметим, что исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за определенным словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [11]. В парадигмальных рамках описываемого исследования языковое сознание рассматривалось как система ассоциативных парадигм (гендерная, возрастная, стрессовая, образовательная, гомосексуальная и девиантная) при *ведущей гендерной*. И на категорию *гомосексуальности* мы хотели посмотреть в рамках системного подхода к анализу категории гендера.

Подчеркнем, что в социальных науках «...гендер рассматривается и как мыслительный конструкт, и как конструкт идеологический, и как сеть властных отношений, и как социальный институт, как общественно достигаемый статус, как технология и перформанс и т. д.» [8, p.3]. В нашей работе мы, скорее, рассматривали гендер «...как систему отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола. Как фундаментальная составляющая социальных связей (одновременно устойчивая и изменчивая) гендер позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о мужском и женском, наделять властью одних и subordinировать других (женщин, так называемые сексуальные меньшинства и т.д.)» [8, p.3]. И это достаточно ярко проступало на материале полей собранных нами вербальных ассоциаций, которые образуют, по нашему представлению, некие фрагментарные «слепки» языкового сознания.

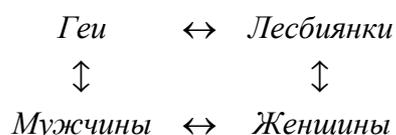
Методология проведения эксперимента по всем сериям была практически фиксированным параметром. Менялись только информанты и расширялись списки стимульных слов.

Подчеркнем, что при проведении эксперимента по изучению связи между гендером и сексуальностью индивида мы хотели решить такие вопросы: «Какие изменения мы можем обнаружить в ассоциативном поведении гомосексуальных информантов по сравнению с гетеросексуальными респондентами?», «Какими методами – качественными или количественными – можно обнаружить эти гипотетические различия? И будут ли они вообще?».

Переформулируя эти вопросы иначе, одной из задач исследования стало выявление и описание особенностей (если таковые существуют) в ассоциативном поведении информантов, которые открыто «маркируют» свою нетипичную сексуальную ориентацию [18].

Нашими информантами для этой части эксперимента были выбраны люди, открыто декларирующие свою гомосексуальную ориентацию. Более того, часть информантов (примерно 40%) занималась правозащитной и просветительской деятельностью в области соблюдения политических прав сексуальных меньшинств. Возраст информантов колебался от 20 до 40 лет. Родной язык – русский. Все информанты – городские жители с высшим или неоконченным высшим образованием. Список стимульных слов включал 11 единиц, используемых нами во всей серии лонгитюдных экспериментов (см. [1, с.131]). При формировании выборки информантов и собирании ассоциативных норм мы опирались на концепцию «лингвистики контакта», предложенную Мэри Луиз Пратт [30]. Эта концепция позволяет понять и объяснить общие черты употребления языка гей-индивидов, не нарушая требования гомогенности языкового сообщества. И единственный фактор языкового сообщества, выбранный нами в качестве контрольного, – это контакт между людьми, декларирующими себя как геи и лесбиянки в публичных местах (см. [12, с.310]).

В процедуру анализа данных эксперимента был введен перекрестный анализ его результатов по следующей схеме:

Таким образом, мы сравнивали попарно данные по четырем группам испытуемых, две из которых были собраны на гетеросексуальной выборке, а две были получены от лиц с нетрадиционной ориентацией в эксперименте, описываемом сейчас. Был проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей, полученных от:

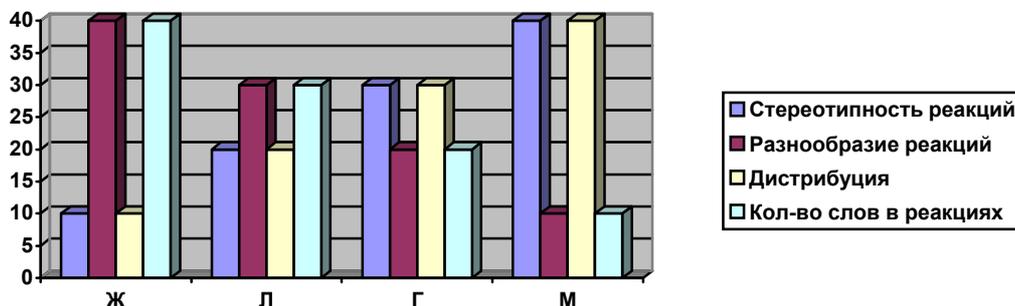
- гомосексуальных мужчин и женщин,
- гомо- и гетеросексуальных мужчин,
- гомо- и гетеросексуальных женщин.

Количественный анализ ассоциативных полей гомосексуальных мужчин и женщин показал следующее:

- Реакции гомосексуальных женщин были разнообразнее.
- В реакциях лесбиянок чаще встречались реакции словосочетаниями и предложениями.
- Реакции геев были «более отрицательны». Однако такие стимулы, как *любить*, *ребенок* и *мужчина*, наоборот, именно у лесбиянок активировали «отрицательный» оценочный элемент в значениях почти всех слов-реакций.
- Количественные показатели индексов энтропии, дистрибуции и разнообразия были выше в ассоциативных полях, полученных от информанток-лесбиянок.

Мы не будем приводить здесь все группы различий, полученных при попарном количественном сопоставительном анализе ассоциативных полей, собранных от гомо- и гетеросексуальных информантов (об этом см. подробно [18]).

Подчеркнем лишь, что проведенный анализ показал: имеются существенные различия во всех четырех группах по показателям стереотипности реакций, их разнообразия и дистрибуции, а также в соотношении количества слов, образующих реакцию (одно слово и больше). Если попытаться формализовать этот результат графически, то увеличение или уменьшение различий между ассоциативными полями идет по такой схеме:

где

Ж – гетеросексуальные женщины;

Л – лесбиянки;

Г – геи;

М – гетеросексуальные мужчины.

На наш взгляд, самым интересным явился факт сохранения пропорций в количественных показателях индексов. Мы установили, что явно существует определенная закономерность между ассоциативным поведением человека и его сексуальностью. Видно также, что эти изменения пропорций происходят плавно.

Качественный анализ ассоциативных ядер, полученных по четырем группам, выявил ряд различий в «ассоциативном» видении некоторых понятий – как гендерно маркированных (6), так и нет.

Например, стимул *мужчина* «породил» следующие ассоциативные поля (7):

Женщины	Лесбиянки	Геи	Мужчины
Сила, отец, сильный, симпатичный, красивый, обаятельный, высокий, друг, рыцарь, умный	Агрессия, армия, Адам, боец, верность, бык, мерзость, соперник, убить	Красивый, хочу, он, друг, красота, бизнесмен, бить	Сильный, сила, разум, друг, красивый, умный, папа, хозяин, добрый, глава семьи, справедливый,

Мы видим, что для обычных (гетеросексуальных) информантов образ мужчины окрашен в основном положительно. С мужчиной, прежде всего, ассоциируются концепты «сила», «красота» и «ум». Он должен быть *обаятельным* и *симпатичным*. И в большинстве случаев мужчина мыслится в роли *отца* или *хозяина*.

Повышенная «эротичность» мужского образа прослеживается по реакциям, полученным от гомосексуальных мужчин. А вот для гомосексуальных женщин (единственный случай по всем четырем выборкам) понятие «мужчина» вызывает чувство *агрессии*. Это – *соперник* и *мерзость*. И его надо *убить*. Он также ассоциируется с *армией* и нашим прародителем – *Адамом*. И здесь по собранным реакциям на стимул «мужчина» наблюдается практически полное разрушение образа мужественности, создаваемого патриархатной системой ценностей.

На стимул *женщина* мы получили такие реакции:

Женщины	Лесбиянки	Геи	Мужчины
Мать, красивая, красота, умная, жизнь, любовь, нежная, жена, стройная, добрая, ласковая, нежность	Красивая, мать, подруга, молодая, умная, обнаженная, одинокая, любить, мужик, муки	Стоит, телка, труд, глупость, мать, нет и не надо, труженица, ненавижу	Красивая, мама, красота, добрая, жена, нелепость, умная, любовь, любимая, стройная, секс, загадка, ласковая, милая, мягкая, мягкость, тепло, уют

Образ женщины для обычных мужчин и женщин в языковом сознании окрашен в яркие положительные тона и соединен более всего с концептами «материнство», «доброта» и «красота». Женщина также должна быть *ласковой* и *нежной*. Отличительной женской чертой является и наличие ума (реакция «умная» встретилась в трех группах информантов), что крайне редко встречается в стереотипных представлениях о женском идеале. Образ женщины у мужчин ассоциируется с *мягкостью*, *теплом* и *уютом*. Для мужчин женщина ещё и *загадка*! Следует также сказать, что для обычных информантов и лесбиянок образ «женщины» коннотирован положительно, в отличие от геев, по реакциям которых прослеживается резкое отрицательное восприятие этого образа (реакции «нет и не надо», «ненавижу», «глупость»).

Анализ ассоциаций обычных мужчин и лесбиянок показал, что образ женщины в их языковом сознании эротично окрашен ((мужские реакции: *секс*, *любимая*, *любовь*) и (лесбийские реакции: *обнаженная* и *любить*)), что косвенно свидетельствует о представленности параметра «сексуальность» в русском языковом сознании.

Глагол *любить* вызвал следующие группы реакций:

Женщины	Лесбиянки	Геи	Мужчины
Дети, жить, маму, нежность, ненавидеть, обожать, радость, солнце	Человек, ненавидеть, жизнь, сильно, девушку, жизнь, мужа, крепко, женщину	Мужчину, его, себя, сильно, страсть, ненавидеть, это прекрасно	Женщину, девушку, мать, сильно, родителей, верить, дети, верность, жизнь, нежно, страсть, счастье, уважать

Полученные реакции показывают, что «ассоциативная сила» этого глагола направлена вначале на объект любви (реакции: *дети, маму, жить, мужчину, девушку и родителей*). «Любить» в языковом сознании соединяется с понятиями *обожать и уважать*. Мы видим и то, что «любить» ассоциируется со своим оппозитивом – *ненавидеть*. «Любить» можно *крепко, сильно и нежно*. «Любить» означает *радость, жизнь и страсть*.

Сексуальная ориентация информантов прослеживается только по предпочтениям в объектах любви. Если для обычных информантов любовь «распространяется» на представителей противоположного пола или близких (детей или родителей), то для гомосексуальных информантов – на свой собственный пол. По реакциям мужчин-геев можно говорить и об определенной эгоцентричности их языкового сознания (реакции «себя» и «его»).

В целом этот эксперимент продемонстрировал, что системное изучение категории «гендер» невозможно в отрыве от изучения понятия «сексуальность» и это направление исследований, затрагивающее процессы передачи и воссоздания сексуальности, ресурсов её создания в речевых практиках и способы «запечатлеваемости» сексуальности в образах языкового сознания, достаточно перспективно и интересно.

И я полностью разделяю мнение А. Першая о том, что, несмотря на свою «инаковость», нетипичная сексуальная идентичность – такой же продукт социокультурного производства, как и общепринятые формы существования биологического и социального пола, от которых она отличается, под которые она «подгоняется», которые она имитирует, или пародирует, или совмещает все эти процессы [7, с.6].

Возникновение *квир-лингвистики* – нового лингвистического направления, бесспорно, свидетельствует о том, что связи биологического пола, гендера, идентичности, перформативности – всех этих категорий – намного сложнее и многограннее, чем их интерпретации, производимые социальными и гуманитарными науками, которые посредством их академического изучения зачастую подтверждают нормы гетеросексуального патриархального общества [7, с.6].

Мне кажется, что включение квир-исследований в более широкий контекст изучения категории «гендера» в лингвистике взаимно обогатило бы эти два научных направления.

Примечания:

1. Словосочетания «отечественное языкознание» я толкую широко, считая прилагательным «отечественное» в контексте этой работы эквивалентным прилагательному «постсоветский».
2. Следует подчеркнуть, что мы, вслед за авторами *Словаря гендерных терминов*, разводим понятие гендерной и сексуальной идентичности (как родовидовые понятия). Так, сексуальная идентичность «... может быть описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте сексуального поведения в структуре гендерной идентичности» [СГТ, с.32-33]. Под *нетипичной гендерной идентичностью* мы понимаем, естественно, *нетипичную сексуальную идентичность*, так как термин «нетипичная гендерная идентичность», на наш взгляд, используется «со скидкой» на правила политической корректности языка.
3. «Квир» в переводе с английского языка означает *странный, причудливый*. Этот термин стандартно закрепился в научном дискурсе за явлениями, связанными с отклонениями от гетеронормативности.
4. Особенно это характерно для речи лиц, занимающихся политической или просветительской деятельностью в области соблюдения прав сексуальных меньшинств.
5. *Ela ficou doida* (португ.) в переводе с португальского означает «она в бешенстве».
6. К гендерно маркированной лексике мы относим те лексические единицы, в значениях которых «гендерный» компонент может реализовываться более контрастно. По нашему мнению, к таким лексемам могут относиться слова, описывающие полоролевые, статусные и социальные отношения (*отец, мать, дочь, сын, невеста*), входящие в концепты феминности и маскулинности; лексические единицы в грамматической форме мужского или женского рода; случаи, когда выбор грамматической формы рода не определяется законами синтаксического согласования (*маму* (реакции «любил» и «любила»)) [4, с.218] и прочее. Хотя, на наш взгляд, данное подразделение на гендерно маркированную лексику и нейтральную, является чисто «рабочим» определением и его выделение весьма условно, но в парадигмальных рамках нашей работы оно явилось достаточно удобным.
7. Для качественного анализа по всем трем приводимым стимулам (мужчина «женщина» и «любить») использовались все реакции, частота которых была ≥ 3 .

Литература:

1. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма (монография). – М.-Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. – 437с.
2. Жеребкина И. А. Феминистская теория 90-х годов // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие. – Харьков-СПб: ХЦГИ – Алетей, 2001. – С.49-79.
3. Йокояма О. Ц. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их когнитивное моделирование // Wiener Slawistischer Almanach, Munchen, Sonderband 55 (2002) X-XX. – С.29-40.

4. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга I. / (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – С.191-218.
5. Кирилина А. В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, Иваново, 25-26 июня 2002 г.: В 2 ч. – Ч. II. История, социология, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – С.238-242.
6. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. – М.: Олимп, 1998. – 434с.
7. Першай А. Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола // Такава: Такие тексты. – №3. – 9с. доступна на: <http://www.takaya.by>
8. Пушкарева Н. Л. От редактора // Социальная история: Ежегодник. – 2003. – Женская и гендерная история // Под ред. Н. Л. Пушкаревой. – М.: РОССПЭН, 2003. – С.3-6.
9. Тарасов Е. Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. “Языковое сознание”, Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С.176-177.
10. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С.7-22.
11. Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отражение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – №1. – С.102-110.
12. Файх К. Теоретические и методические основы исследований употребления языка русских представителей сексуальных меньшинств в Москве // Доклады Второй Международной Конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, Москва, 22-23 ноября 2001г. – М.: МГЛУ, 2002. – С.307-311.
13. Billig M. The dialogic unconscious: psychoanalysis, discursive psychology and the nature of repression // *British Journal of Social Psychology* 36. – 1997. – P.139-159.
14. Cambell-Kilbert K., et. al. *Language and Sexuality: Contesting Meaning in Theory and Practice*. – Stanford, California: CSLI Publications, 2002.
15. Cameron D., Kulick D. *Language and Sexuality*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
16. Coder P. S. *Introducing Applied Linguistics*. – New York: Penguin, 1973.
17. Essig L. *Queer in Russia: a Story of Sex, Self and the Other*. – Durham, NC: Duke University Press, 1998.
18. Goroshko O. *Gay-lesbian Associative World*. Papers of the First International Conference «Gender: Language, Culture, Communication», 25-26 November 1999. – Moscow: MSLU, 2001. – P.125-147.
19. Hall K., Bucholtz M. (eds.). *Gender and Socially Constructed Self*. – London and New York: Routledge, 1995.
20. Harvey K., Shalom C. (eds.). *Language and Desire: Encoding Sex, Romance and Intimacy*. – London: Routledge, 1997.
21. Hird M. J. Gender's nature: intersexuality, transsexualism and the “sex”/“gender” binary // *Feminist theory*. – 2000. – 1 (3). P.347-364.
22. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life. In John Gumperz and Dell Hymes (eds.) *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P.35-71.
23. Kulick D. *Fe/Male Trouble: The Unsettling Place of Lesbians in the Self-images of Male Transgendered Prostitutes in Salvador, Brazil*. Paper presented at the 95th annual meeting of the American Anthropological Association. – San Francisco, 1996.
24. Kulick D. The Gender of Brazilian Transgendered Prostitutes // *Constructing Sexualities* (Readings in Sexuality, Gender and Culture). – New Jersey, Pearson Education, 1999. – P.227-242.
25. Kulick D. Gay and Lesbian Language // *Annual Review of Anthropology* 29, 2000. – P.243-85.
26. Kulick D. No (Plenary lecture read at Sociolinguistics Symposium, 14, Ghent, Belgium, April 4-6 2002) L. Vasvari (ed.) Reader for CEU SUN Course “Language, Gender and Society”. – Budapest, 2002. – P.496-508.
27. Leap W. *Words Out: Gay Men's English*, Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 1996.
28. Livia A., Hall K. “It's a Girl!”: bringing performativity back to linguistics, in *Queerly Phrased: Language, Gender and Sexuality*, Oxford, UK: Oxford, University Press, 1997. – P.3-18.
29. Ochs E. Indexing Gender. In A. Duranti and C. Goodwin (eds). *Rethinking Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P.335-338.
30. Pratt M. L. Linguistic Utopias. In N. Fabb, D. Attridge, A. Durrant and C. MacCabe (eds.), *The Linguistics of Writing: Arguments between Language and Literature*. Manchester UK: Manchester University Press, 1987. – P.48-66.
31. Yokoyama O. Discourse and word order. In *Pragmatics and Beyond*, Companion Series 6. – Philadelphia: John Benjamins, 1986.
32. Yokoyama O. Russian genderlects and referential expressions // *Language in Society* 28 (3), 1999. – P.401-429.

Поступила 23.09.2004 г.